

ДИВНЫЕ НОВЫЕ МИРЫ

ГАЛИНА МАНУКЯН

ДИВНЫЕ НОВЫЕ МИРЫ

ДИКТОРАТ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М24

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Серия «Дивные новые миры» основана в 2016 году

Художественное оформление — *Виктория Лебедева*

Внутреннее оформление — *Олег Лёвкин*

Манукян, Галина Викторовна.

М24 Дикторат : [фантастический роман] / Галина Манукян. —
Москва: Издательство АСТ, 2016. — 320 с. — (Дивные новые
миры).

ISBN 978-5-17-099486-1

Мир стал иным: деревья проросли сквозь мостовые и здания,
человечество одичало, вода на вес золота, кланы победнее платят
дань злобным глоссам, в том числе людям.

Семнадцатилетняя Лисса должна была стать налогом, но
после удара молнии у нее появляется дар управлять электриче-
ством.

Она — живая батарейка для электроприборов, которыми дав-
но уже никто не пользуется. Глосс Эдэр много лет стоит на страже
Закона, а сам нарушает его, балансируя на грани жизни и смерти.

Рискованная попытка понять загадки «прошлых людей» приве-
дет их к раскрытию Секрета настоящего. Однако некоторые тайны
стоят слишком дорого. Чем придется расплатиться за них Эдэру и
Лиссе?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-099486-1

© Г.В. Манукян, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Глава 1

— Тебя убьют за это! — всплеснула руками мама, и ее дреды взвились в воздухе, словно шершавые змеи. — Лисса! Лиссандра!

Вот и пусть зарежут! Лучше свои. Пока я еще свободна...

Я зыркнула на маму и промолчала. Совесть, конечно, колола. Но не столько хотелось обмыться перед тем, как отец продаст меня чужакам, сколько показать, что мне тоже на них плевать. Как и им на меня... Иначе я бы не потащила ведро с горячей водой сюда.

Мама бежала за мной по коридорам и бормотала:
— Столько воды, Лисса, опомнись!

Стиснув зубы, я добралась до нашей секции. Мама проскользнула вперед, продолжая увещевать полупотом. Обернувшись, я заметила в том конце коридора отца и воинов, которые обычно возят дань.

Ага, готовы уже... Ну, придется подождать.

Отец что-то крикнул. Я не расслышала, как обычно, но задрав подбородок, выдавила из себя улыбку. Назло. Захлопнула дверь, небрежно щелкнула замком. Сквозь пыльный пластик увидела гневные рожи и копыя в руках воинов. От страха у меня душа перевернулась, но я упрямая. И потом... в неволе мне все равно не

жить. Не такая я. За семнадцать лет подчиняться не научилась, и учиться не стану.

Я взглянула на воду и облизнула пересохшие губы. Еле сдержалась, чтобы не отпить снова. Нет уж, пусть до краев будет, чтобы все видели! Перед тем, как стать чужой вещью, побуду самой богатой девушкой клана. Кто еще из наших сможет вылить на себя целое ведро? Никто, даже жена управа. Потому что в засуху у нас вода — большая ценность. Норма: каждому по три кружки в день. Хочешь пей, хочешь купайся. Летом источник пересыхает, а озеро, в котором воды хоть залейся, проклятые глоссы охраняют свирепо. Оно и понятно, вода — их богатство. Никому из чужих даже глазком взглянуть не дают. Коллекторы говорили, что вокруг берегов стены выстроены чуть ли не с гору. Наверняка не врут.

Еще до моего рождения глоссы оттеснили покорных подальше, а тех, кто сопротивлялся, вырезали, словно диких кур. Наш клан согнали к самому краю Диктора-та. Мы живем в высотках за степью у солончаков, возле Мертвых скал и Разлома — за ним только птицы бывали, хотя мне кажется, что за черными зубцами скал, дрожащих в знойном мареве на той стороне, ничего нет.

Шлюзы в канал глоссы открывают за плату. Жиреют, гады, на наших бедах. Нагло требуют больше, когда по земле расплзается сушь. Гребут всё, что привозим: сушеные фрукты и соль, которую добываем в пещерах, живых коз и козлиные шкуры, соленый сыр. У нас особо и не растет ничего, кроме дынь и яблок, и те плохонькие, потому как земля солью пропитана. Так нас и называют: кто солеными, кто степняками. Хуже всего, что за воду в каналах приходится платить

не только снедью и товарами, диктаторы забирают девушек. Еще ни одна обратно не вернулась, и весточек от них не было, сколько ни пытались родичи прознать о судьбе дочерей. Куда исчезли те, кто попадал к глоссам, оставалось только догадываться.

Тощая Шеска, сестра Саро — воина, который провожает «в последний путь» наших степниц, рассказывала такое, что волосы на голове вставали дыбом. Выходило, что лучше вовсе не доехать до диктаторов живой, чем попасть к ним в лапы... Шеска сама за степями не бывала, но как ей не поверить, если отряды из мегаполиса регулярно навещают кланы? Говорят, что защищают от разбойников из Пустоши, а сами берут все, что вздумается. Скажи слово против — вырвут язык и отрубят голову.

А так подумать: чем они лучше нас? Они люди, и мы люди, разве что у них больше уродов и оружия. Один раз я чуть не нарвалась на их самого главного — не сдержалась, когда плетью хотел маму огреть, прямо в глаз комом земли захала. Конечно, еле ноги унесла и потом предпочитала прятаться в скалах, завидев вдалеке глосский отряд. А теперь меня отдают беспредельщикам. В мегаполис!

Что бы там мама не говорила про запас воды, я бы даже злая так не сделала. Все по-другому было. Просто узнав жуткую новость, я бросилась куда глаза глядят. Сразу решила податься в горы, к разбойникам или к отшельникам, лишь бы не в рабство, но воины ниже второго этажа меня не выпустили. Учужали, гады, подвох! Знают: не в моем характере сидеть и покорно ждать участи.

Видеть никого не хотелось, потому я в один миг забралась на тридцать второй этаж, под самую крышу.

Здесь гулял ветер, никто из наших выше десятого не жил. Кому охота подниматься по бесконечным лестницам? И стекол в окнах на верхотуре почти не было. Мы по детству часто сюда бегали. В мусорных кучах находили всякие штуки прошлых людей, но нас больше ящерицы и червяки интересовали. Еды вечно не хватало, а так наловишь пауков, разгрызешь сладковатые панцири, уже меньше бурлит в животе от голода.

Реветь было не в моей привычке. Пиная от ярости все, что попадалось под ноги, я бродила по заброшенным помещениям, местами облицованным белой плиткой. Злая, как черт, спрыгнула со ступенек, и вдруг под ногами треснули прогнившие балки. Я провалилась в темный чулан. Грохнувшись на пластиковые мешки, забитые чем-то мягким, выругалась и съехала на пол. И нашла ее — в свете, пробивающемся из разлома на потолке, стояла на пластиковой подставке важная, как жена управа, бутыль. Огромная. Полнехонькая. О, духи!

Я не поверила своим глазам. На вид вода не зацвела. Как никто не обнаружил ее раньше?! Видать, простояла в темнотище аж с конца света... Может, это и не вода вовсе? — засомневалась я. Сгорая от волнения, тронула перевернутую бутыль. Та качнулась, жидкость взволновалась внутри.

Я облизнула пересохшие губы. Чертовски захотелось пить. Осмотрев подставку со всех сторон, я догадалась, что надо дернуть за один из краников. Так и сделала. Тонкая струйка полилась в ладонь. Понюхав, а потом лизнув, я поняла — вода! Самая обычная, может, чуть с горчинкой. Точно не хуже той мутной жути, что мы пили в последнее время. Удивленная, я отпила еще. И еще.

Первым делом хотела рассказать маме о таком сокровище, но передумала — нет уж, она даже слова

против никому не сказала, когда меня с бухты-барахты решили к глоссам отправить. А ведь есть девушки постарше! Могла же она вступиться, могла подумать обо всем раньше и выдать меня за химича или любильца, или за кого-нибудь из наших. Я была бы не против родить малышей от красавчика Мусто. Мы с ним так упоительно целовались в скалах во время охоты... Но нет! Мама, как обычно, только смотрела страшными глазами и прикрывала рукой рот, неслышно охая. Обидно...

А отец? Разве я ему не нужна? Я ведь не просто коз пасла да доила, как другие девчонки, я на охоту ходила. Братья ведь маленькие еще. И, не совру, сказав, что часто с добычей возвращалась, потому как глаз у меня зоркий и хитрости с лихвой. Вот как он может меня отдать?! Скажите, как?!

Я стиснула кулаки.

Впрочем, все ясно, как знойный полдень. Отдают потому, что люди в клане считают меня проклятой. В меня молния попала в прошлый ливень. Зимой еще. Пару суток я пролежала, как мертвая, а когда очнулась, месяц говорить не могла и слышала плохо. До сих пор, если честно, глуховата. Жрец наш, Акху, давал потом что-то горькое пожевать, таинственные штуки проделывал. Ничего не помогало. «Духам она не угодна. Заберут ее скоро», — сказал Акху отцу, а потом еще долго что-то в ухо нашептывал. Но я выжила, стала по-старому помогать и матери, и отцу. Только красноватая отметина, ветвистая, как папоротник — та, что разрослась от плеча до позвоночника после удара молнией, — не прошла.

Поначалу я сердилась, что люди пелятся и стороной обходят. Даже Мусто... Я вспыхивала, когда народ сме-

ялся и пальцами тыкал, если переспрашивала, не расслышав. Потом махнула рукой. Кто долго злится, у того лицо скукожится и пойдет красными пятнами. А мне такое зачем? У меня оно красивое. Я сама видела отражение в стекле. Мама говорит, я на бабушку похожа. У меня глаза черные с синим отливом, брови и ресницы как углем выведены, нос тонкий, волосы смоляные — ни в маму, ни в папу. Вообще все в моей семье темно-русые и сероглазые, одна я такая — не в масть, словно не родная...

Мусоля все это в голове, я совсем разошлась, даже ладони зачесались, потом вдруг закололи, будто на ежа наткнулась, стали горячими. И, гром мне в ребра, в подставке под бутылку что-то зашевелилось, забулькало. Я убрала руку. Стихло. Прикоснулась снова. Нутро подставки опять оживило. Я слушала звуки, как замороженная, пока не задела красный краник, и на пальцы не выплеснулась горячая вода. Ай! — я отдернула кисть. Ничего себе! Духи, вода же холодной была! Как она нагрелась без огня и хвороста?! Укуси меня блоха! У прошлых людей все странное было.

Я постояла немного, пораженная, пытаюсь понять, что происходит, потом плюнула и пошла за ведром. Решила: никому не скажу про найденную воду, лучше устройю так, чтоб мой уход навсегда запомнили! А то, погляди-ка, все с утра уже поставили на мне крест. Я еще тут, а уже чужая, ненужная, словно пепел от костра. Не меня помнят будут, так хоть ведро с водой!

* * *

Так и вышло: соседи столпились у прохода, глаза округлили, не понимая, в чем дело. Мама причитала. Младший братец смотрел на нас, разинув рот, и вдруг потянулся к защелке.

— Только попробуй открыть. Руку отрежу, — рявкнула я и побежала к нам.

Судя по надвигающемуся шуму, так Бас меня и послушал... Предатель сопливый!

Меня колотило от страха и возмущения. Я задернула шторку в своем углу и ступила в давно не видевший воды железный таз с отколотыми краями. Сбросила одежду, чувствуя, что странное покалывание разошлось из ладоней по всему телу. Оно увеличивалось, словно по коже кто-то щеткой водил. Духи, что за напасть такая?!

Я отбросила назад неприятно коснувшиеся голой груди волосы и, затаив дыхание, вылила на себя целый ковш горячей воды. Тотчас мое тело, пронизанное ломаными световыми разрядами, затряслось и скрутило. В ушах затрещало, перед глазами посыпались искры, сердце в груди больно сжалось, и я рухнула на пол.

Глава 2

Я очнулась среди криков и суеты. Братья, воины, соседи окружили меня. Все, как один, в заскорузлом от пота и пыли тряпье и обносках. Кто-то жреца кликал, кто-то к духам взывал, размахивая руками и тряся дредами, кто-то из женщин вопил: «Прóклятая, она проклятая», оттягивая к себе чумазых ребятишек. Отец расставил худые жилистые руки, пытаясь прикрыть мою наготу. Бубнил, прогоняя зевак. Только его никто не слушал. Степняки продолжали шуметь и тарачиться. Мама придерживала мне голову, испуганно заглядывая в глаза. Бас шикал на мелких братьев и щупал мою ногу с опаской — не померла ли.

А я лежала на полу, распластанная и едва живая. Во рту был такой привкус, словно железяку лизала, в ушах звон, в груди хрип.

Скоро явился управ, хмурый, как туча, и жрец Акху. Только ему удалось разогнать глазающих, сказав зловещим шепотом пару фраз. Он начал ходить по кругу и смотреть в глаза то одному, то другому, любопытных мигом смело. Акху наклонился надо мной, пощупал шею, руку. Покачал головой и сказал: «Торопитесь» и еще что-то, явно нехорошее. И родители заторопились. Одели меня быстро, посадили на единственного своего псидопса. Отец пробормотал сипло: «Так суждено тебе, дочка. Духи велели», и глаза отвел. А маму в последний момент жалко стало: ее серое лицо страдальчески вытянулось, нижняя губа затряслась, будто не меня, а ее глоссам продают. Охала опять же беззвучно. И я не выдержала, сказала так, чтобы только она услышала: «На тридцать втором, в проломе еще вода есть. В большой бутылке...»

* * *

Солнце жгло сквозь штаны и длинную вязаную фуфайку. Казалось, будто и платка поверх головы не было, потому как белые лучи били в самое темечко. Я бы сбежала, но куда мне: слабость дурацкая, даже на псидопсе еле сижу. Никак не получалось не думать о том, что вот-вот могу окочуриться. А ведь могу, — ну-тром чуюла. Наверное, потому и Акху ничего делать не стал, хотя всегда, если с кем болезнь случалась, порошок давал, иголкой тыкал. Или проданным помогать не положено?..

Я склонила голову, борясь с тошнотой. Видеть наши просторы, окаймленные горами, было невмоготу. Это

раньше я любила забраться повыше, во-он на ту скалу, раскинуть руки и птицей себя представлять, которая куда хочет, туда и летит. Без всяких границ и правил. Хорошо там было, на верхотуре, свободно... Эх, какая же я глупая была! Тоже мне птица, полудохлый воробей на жарку.

И вдруг сквозь зной меня дрожью пробило: рассказы Шески вспомнились. Лучше бы упасть замертво прямо тут. Но почему так жить хочется?! Просто отчаянно!

Скалы сменились невысокими холмами, подернутыми выжженной солнцем травой. Ветер развеивал концы моего платка, сшитого из лоскутов, запутывал их в длинной шерсти псидопса. Вдали показались кусты и деревья, поначалу редкие, затем растущие плотной стеной, — лес, который я никогда не видела. И, значит, мы приблизились к территории глоссов. Мои поджилки затряслись еще сильнее. В ладонях опять закололо, пальцы мучительно сжались. Духи, не хочу биться в исках опять!

Я качнулась и закусила губу. Голова кружилась. По ладоням и кончикам пальцев нет-нет, да пробежали искристые колючки. Я ухватилась покрепче за кудлатую шерсть псидопса, боясь упасть. Говорят, у прошлых людей псидопсов не было, бегали повсюду маленькие смешные псы, которые только и делали, что лаяли. Врут люди и не краснеют. Наш псидопс как гавкнет, так уши у всех заложит. Только делает он это реже редкого. Может, от того, что под густой свальной шерстью, которая местами свисает, будто старухины космы, одна кожа да кости. У нас обычно толком объедков не остается, а псидопсам для мощи много надо.

Я услышала, как Саро и Мага, воины, что нас сопровождали, перешептывались:

— А вдруг за эту странную Лиску воды не дадут?

— Угу, опять свалится в искрах вся. Тогда точно не дадут.

— Да уж. Хоть бы на пару часов открыли шлюзы. Акху сказал, обратно ее не привозить, а передать жрецу ихнему, главному. Пусть с проклятой глоссы разбираются. Чтоб их всех там перекосило!

— И то верно, — воодушевился Саро. — Пусть духи их покарают, выкосят, как прошлых людей, а наш клан переберется к озеру. То-то заживем!

— Не болтайте глупостей, — буркнул побагровевший, как пустынный камень, отец, но эти нечесанные жерди никакого внимания на него не обратили. По лицу отца я поняла, что ему за меня стыдно. Стыдно иметь такую дочь-уродку. И даже глоссам отдавать стыдно.

Мне так дурно на душе стало, хоть вой. А потом я, наоборот, разозлилась и решила не показывать ничего. Выпрямилась, и случайно так искрой шарахнула по загривку псидопса, что тот аж дернулся. А я чуть не свалилась наземь.

Саро и Мага болтали о том, что разбойников, видать, в горы оттеснили — давно уже не налетали на степи. Но я не слушала их болтовню. Мне сейчас что разбойники, что бешеные козлограссы, что наши воины, которые от напастей должны были защищать, что глоссы — все было едино.

Лес был все ближе. С маленькими деревцами, покрытыми порыжевшими от солнца листьями по краям, зеленеющий от светлого до густого оттенка дальше, в глубине чащи. От такого количества деревьев мне было не по себе, а воздух стал каким-то сладким, словно настоящим. Впереди показался забор, ворота и башня из дерева.

— Застава, — важно сообщил Мага, а Саро втянул голову в плечи.

Стражники-гlossы вблизи выглядели свирепо. С дозорной башни за нами следили пара лучников со зверскими рожами. Все мои сопровождающие, как один, поклонились. К нам подошел здоровенный воин со шрамом через все лицо.

— Куда, солёные, собрались?

Мне захотелось стать размером с блоху и зарыться в шерсть псидопса.

— Везем дань, — пискнул Саро, словно ему нос в сливу скрутили.

— Девушку по договору, — сипло поправил смельчака отец. — Ее велено Главному жрецу доставить.

— Нет его. Везите, как обычно, казначею.

Гloss в доспехах из толстой кожи бесцеремонно сдернул мой платок. Осмотрев меня, ослабилась и провел грязным пальцем по моим губам. Я отпрянула, на показ вытерла их ладонью. Стражник замахнулся было, чтобы дать мне пощечину, но остановился в последний момент. В моих пальцах снова жарко закололо. Шарахнуть бы здоровяка искрами! Жаль, не знаю, выйдет ли. Да и лучники на нас нацелились для порядка. Что им стоит спустить тетиву?

Наглый гloss кивнул в сторону леса:

— Проезжайте. Дорогу знаете.

— Знаем, господин, — елейно пропел Саро.

Вот уж за кого стыдно!

Мы отправились дальше. Несмотря на страх и слабость, я то и дело вертела головой, рассматривая чащу. От зелени в глазах рябило, хотя поначалу она не была слишком густой, но спустя некоторое время мы въехали по утопанной широкой дороге в настоящие заросли.